

ПРИЗНАТЬСЯ, я сам напросился на эту рецензию. Не прочитав предварительно романа. Какому же критику не лестно написать о Василии Белове, авторе, перевернувшем в 60-е годы новую страницу в нашей отечественной литературе! Но чем дальше читал роман «Все впереди», тем больше недоумевал — да В. Белов ли это?..

Оставалась надежда, что в следующем номере журнала, в продолжении, автор наконец раскроется, сбросит какие-то мешающие ему оковы, распишется и сведет концы с концами, молвит просто и ясно, что он хотел сказать своим произведением. Но роман дочитан, а мои читательские надежды так и не оп-

персонализированного выражения своих идей (по сути если это и роман, то роман-фельетон, роман-памфлет, хотя он и не выдерживает этого жанра). Впрочем, и семейные конфликты Медведевых, Ивановых, Зуевых — тот же повод для рассуждений о домострое и эмансипации, о разводах и абортах.

Вокруг этих двух точек — НТР и ее последствия в общественной и семейной жизни — и строится сюжет романа. Впрочем, и сюжет, и конфликты, и характеры удивительно неправдоподобные, надуманные, искусственные. Заурядная ссора в семье Медведевых из-за того, что муж запретил жене общаться с легкомысленной подружкой, вырастает по воле автора «во всесветную катастрофу». А подо-

страктно-схоластических споров, столь не свойственных живописно-предметной ткани произведений прежнего В. Белова. Однако они как-то очень быстро и неизбежно низводятся до уровня обывательских суждений. Витая где-то в эмпиреях, Медведев выдвигает тезис о гибельности для прогресса разрушения последовательности, ругая, так сказать, за эволюционное развитие, но его собеседники моряк-подводник Зуев и нарколог Иванов тут же, а главное — ни с того ни с сего переводят разговор в совсем иную плоскость:

— Я тоже терпеть не могу тайн, — сказал Зуев. — Но говорить в открытую о постельных делах, о своих зубах и желудках...
— Вот, вот! — поддержал Иванов шурин. — Об этом-то

Но бог с ним, с Парижем. Нам бы со своими проблемами разобратся. Пройдемся еще раз вместе с автором или, точнее, с наркологом Ивановым по Москве, хотя бы по улице Горького.

«Курильщики раздражали нарколога, пожалуй, не меньше, чем алкоголики, табачная вонь повсюду стояла в Москве. Достаточно было в час пик пройти от театра Ермоловой до Моссовета, чтобы голова закружилась от табачного дыма».
«Незаметно для москвичей понемногу исчезали в стиличе бани и бублики: фанты и пепси-кола усердно соревновались с иными (!) напитками...»

Ругать телевидение за показ ритмической гимнастики, литературу — за Юлиана Семенова, эстраду — за «пугачевские песенки», торговлю — за фанту и пепси-колу — не слишком ли это мелко для романа и для такого серьезного писателя, как Василий Белов?! Но, может, я утрирую, занижаю и искажаю идейный пафос романа? Ну, конечно, тут есть и «высококобылье» рассуждения Медведева и Иванова, погибшего Грузия (в оставшихся после него письмах) о настоящем и будущем, о смысле и бессмысленности жизни, об апокалипсисе, моделировании, кибернетике и прочем. Но ведь и в них те же скепсис и страх перед лицом прогресса в любом его выражении. И как в контексте подобных размышлений звучит название романа: «Все впереди»? Этак — то ли еще будет?! Тем более, что и «высказывания» на эту тему Грузия, содержащиеся в его письме («буквальным сходством своих мыслей» с ними потрясен Медве-

дения у автора явно не встречает. Да и не трудно догадаться, когда устами персонажей говорит писатель, тем более, что в основном они — не живые люди, а лишь рупоры его идей.

Так что же случилось с Василием Беловым, почему не удались его романы? Может, ответ содержится в его прежних книгах? Я открыл «Привычное дело», «Кануны», «Лад» — и сразу меня пахнула сочной репейкой (следа которой нет и в помине в «Все впереди»), ароматом лугов и трав, причудливыми переплетениями мужиков и баб. И все это подано с любовью, даже любованием, с чувством радости и сердечным волнением. Так вот в чем причина! Вот где движитель искусства. В любви. Правда, известные произведения, созданные из испепеляющей ненависти — ненависти ко злу. Но тем самым в основе их — опять же любовь к предмету, подвигающемуся воздействию зла. В романе же «Все впереди» нет ни любви, ни подлинной ненависти — лишь раздражение, которое менее всего способно приблизить художника к истине. Раздражение как творческий импульс никогда не служило правде, оно лишь угрождало обывательским вкусом.

Есть ли какие-либо удачные романы? Думаю, размышляя, вспоминаю еще раз ситуацию коллизии романа, характеры — не нахожу. Нарколог Иванов явно сконструированный, так не зажившая по законам искусства фигура. Люба Медведева что-то поначалу вызвало к симпатии — красота, женственность. Но в дальнейшем и этот образ стухал, лишился своей определенности. Многие в ее введении просто алогично и непонятно. Хочет ли она всеобщего усыновления своих детей — главой семейства Бришем? Каково ее отношение к намерению Бриша махнуть в «какой-нибудь Арканзас» — мы ведь об этом ничего не знаем. Любит ли она своего второго мужа или нет? Почему вышла за него?

Произвольность и полную психологическую немотивированность своего поведения демонстрирует и Медведев, который непонятно почему восхищается друзьями, а Иванов даже готов считать его в пророки. Из жалких-то двух-трех фраз о белизности технического прогресса?..

Пожалуй, только Наталья Зюва да Бриш покажутся более менее жизненными типами, отличающимися одна — пьянством и распутством, другой — цинизмом. Хотя мотивы действий следного тоже глубоко не выделены, лишь обозначены фразой намеком Иванова. Но Иванов, после его очевидной клятвы по адресу Любы (кстати, и не опровергнутой в романе), менее всего склонны верить.

Каков же итог? Василий Белов в своих публицистических выступлениях уже проговаривал, о которых свои идеи, о которых здесь идет речь. Теперь это очевидно, попробовал воплотить их художественно. Однако начальная утопичность и логичность послысок мстят Белову художнику. И вот дэр писателя его умение лепить характеры достоверно рисовать явления действительности и поступки героев вдруг испарились, исчезли словно их никогда и не было. Даже не верится, что такое может быть. Василий Белов — художник по воле жадности, а не по таланту. И вдруг — куда все девалось?

Впрочем, правило, очевидно подтверждаемое — отступление художника от исследования объективных законов общественного развития, подмена их мелкими поверхностными фактами, желание смотреть на общественный прогресс в перспективе пристрастие к обывательским предрассудкам и заблуждениям, неизбежно сказываются отрицательно на художественности любого произведения. Талант самоотверженно сопротивляется насильно совершаемому над ним.

Павел УЛЬЯШ

КАКОВ ЖЕ ИТОГ?..

равдались. Недоумение и разочарование еще более усугубились. Первый порыв был — отказать от рецензии. Зачем обижать любимого писателя? А может, найдется и комплиментарный критик, расхвалит роман, как то нередко бывает... Но нет, не тот это случай, да и Василий Белов не тот автор, о котором можно было бы, покрыв душой, сочинить дежурную, атакую кисло-сладкую, мало к чему обязывающую рецензию, которую никто, кроме самого писателя, не прочтет. Нет, тут уж надобно сказать правду.

То, что В. Белов, получивший признание и любовь читателей как автор произведений преимущественно из крестьянского быта, по сути один из родоначальников так называемой «деревенской» прозы на современном этапе, обратился к новому для него материалу, можно только приветствовать. Что бы ни говорили о поступательном движении или благополучной кончине «деревенской» прозы, стало очевидным, что тот пласт сельской жизни, который подняли В. Белов и его талантливые сподвижники, на сегодня разработан и урожай с него уже снят неоднократно. «Повысить урожайность» на этой «почве» можно только качественным изменением природы земледелия. Хотя это и противоречит безотвальной вспашке, дальше необходимо пахать более глубоко, чтобы в полной мере запечатлеть невероятные социальные сдвиги в среде российского крестьянства.

Обращение В. Белова к городской тематике ожидалось. С нетерпением, с надеждами. Думалось, может быть, в самом деле такой первоклассный художник, как В. Белов, сможет многогранно и выразительно изобразить жизнь широких народных слоев, и тогда термин «деревенская» проза окажется ненужным, уйдет из критических статей и отчетных докладов.

Итак, роман «Все впереди». Кстати, и название какое-то не «беловское», дежурно-рапортующее, производственно-оптимистическое, хотя, как потом убеждаешься из текста, смысл его иной. Среда — городская интеллигенция, работники НИИ, врач, моряк-подводник... Конфликт? Собственный и семейный и, так сказать, общественно-мировоззренческий. Потому что та схема деятельности медведевской группы в НИИ, создающей новую кибернетическую установку, столь же не нова, как и ее «принципиальная схема», что «устарела прежде, чем завершилось строительство опытного образца». Эта схема — лаборатория; работа молодых энергичных сотрудников над созданием новой машины-кибера с собственным именем («Аксютка»), противостояние юной дерзости и старой косности (Медведев — Академик), авария, гибель одного из друзей (Грузия) — настолько анжюма нам по исповедальной молодежной прозе или прозе «сорокалетних», что и В. Белов не стал ее всерьез разрабатывать, а только использовал как повод для беллетристически-

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

зрение (!), что жена смотрела в Париже порнофильм, вызывает у Медведева бешеный приступ ярости, и семья... распадается. Ответственный руководитель группы впадает в запой, тем временем на работе происходит авария, и через десять лет мы встречаемся с отбывшим наказание Медведевым, который из адепта и проводника НТР превратился в ее оппонента, если не яростного отрицателя. «Я консерватор. Отыявленный ретроград. И, представь себе, даже немножко этим горжусь», — заявляет он гордо своему приятелю наркологу Иванову. В тон ему отвечает и Иванов: «Я тоже не прочь бы стать ретроградом. Но меня тут же попрут с работы.

Медведев засмеялся: — А, теперь понял, почему я сушилки строю?»

И тут же бывший кандидат наук неожиданно начинает развивать идеи о вреде технического прогресса: «Останавливать надо не только гонку вооружений, но и гонку промышленности. Техника агрессивна сама по себе. Покоряя космос, мы опустошаем землю» и т. п.

Где же спасение? Оказывает-ся, в крестьянской избе.

«...крестьянская изба, братец, всегда спасала Россию. И если мы погибнем, то отнюдь не от «першингов»... Крестьянская изба — это все равно что зюевская подводная лодка, она всегда в автономном плавании. Она она и способна на длительное самообеспечение существование. Причем, заметь, не только во время войны. Потому так яростно и уничтожаются во всем мире крестьянские хижинки!»

Ну, во-первых, уничтожаются прежде всего не крестьянские хижинки. Во-вторых, никто не против крестьянской избы, ее процветания, достатка и самостоятельности, но говорить сегодня в конце XX века, о ее автономности — чистойшей утопия. На к натуральному же, в самом деле, хозяйствованию и хуторскому бытию призывает нас вернуться автор? Или дело обстоит именно так? Да и неужели сам В. Белов против того, чтобы в его родную Тимонику была проложена первоклассная трасса, чтобы наши крестьянские избы стали похожи на человеческое жилье, чтобы вод и труд доярок, животноводов и механизаторов был максимально облегчен. Но ведь осуществить все это без ускоренного развития промышленности, без машин нельзя. И без НТР тоже, без того, чтобы научная и техническая мысль в стране шла бы впереди мирового процесса, а не плелась в хвосте.

В романе много внешне интеллектуальных, но в общем-то аб-

говарят все. В молодежных газетах уже появились сексуальные обозреватели. Сексологи пошли по Руси, сексологи! В Вологде, я слышал, медики открыли службу семьи. У женщины кисточкой ищут эрогенную зону...»

«Говорят, «я слышал», кликушество, достойное лишь малограмотных бабок с завалинки, — на таком уровне предлагается разговор о развитии техники, науки, медицины.

«— Если б я был директором, — продолжал Зуев, — я бы сразу отменил синтетические носки. И еще наволочки без пугонки».

«В городе прижилась мода на восточную медицину: экстрасенсы объявлялись то тут, то там. Ритмическая гимнастика выдвинулась на смену... Вьетнамская мазь и лосская хирургия, положение планет и миграция вирусов...»

Таковы, очевидно, представления автора о духовной жизни москвичей. Кстати, и сама Москва в глазах персонажей романа предстает в образе безызыскного «чрева»:

«...восемь миллионов человеческих тел, сплотившихся так тесно в одно место, представлялись тогда одним густым человеческой плоти, непространно и неустанно поглощающим пишу, содрогавшимся в конвульсиях, испражняющимся и кровотокающим густою! Кошмар, кошмар...»

Да уж!.. Напугал, как говорится. Новое чрево Парижа открыл. Впрочем, досталось в романе и Парижу, где побывали нарколог Иванов и некоторые другие герои романа:

«С площади открывался вид на башню Эйфеля. Иванов не испытывал никаких чувств при виде этих железных нагромождений; чудо минувшего века напониало всего лишь высоковольтную маху».

«Непонятной, издевательской показалась Иванову и одна из скульптур в музее Родена: там женщина изображена была в позе лягушки...»

Василий Белов. «Все впереди». Роман. № 7, 8, 1986.